

Воспользовавшись тем, что бальзам еще не до конца впитался, женщина торопливо растерла персиковый крем по обеим лакам. К своему величайшему удивлению, она обнаружила, что ладони и тыльная сторона кистей, обычно такие сухие и огрубевшие в разгар лютой зимы, сейчас стали невероятно нежными и гладкими. При этом средство совсем не походило на маслянистую мазь из эклипты — можно было приняться за работу хоть сразу после нанесения, и это не доставило бы никаких неудобств.

Это было не просто умозрительное заключение — она чувствовала это каждой клеткой!

Женщина тут же перевела взгляд на Цяо Юнь и, запинаясь от изумления, произнесла:

— Матушка, да этот ваш бальзам просто чудо! Он дает такой временный эффект, только пока держится, или кожа всегда будет оставаться такой?

— Вообще-то поначалу эффект временный, и после мытья рук кожа возвращается к прежнему состоянию. Но если мазать ее каждый день, результат закрепится надолго. Ведь в любом деле главное — постоянство, — с улыбкой ответила Цяо Юнь. — Мазать нужно ежедневно по утрам после умывания. Главное после этого — не подставлять руки под ветер и стараться лишний раз не мочить их. Примерно пятнадцать коробочек — и кожа надолго останется белой, нежной и гладкой. О, кстати, после купания можно мазать им все тело.

Таким нехитрым способом она намекала женщине, что этот персиковый бальзам способен удерживать постоянных клиентов.

Разве могла хозяйка лавки этого не понимать? В уезде Цюйво разве нашлось бы много знатных госпож с лишними деньгами на подобные косметические штучки, которым при этом приходится целыми днями стоять на ветру и самим стирать белье? Результат от персикового крема был налицо, и она осталась крайне довольна.

— И впрямь гораздо лучше мази из эклипты... Только почему вы не отнесли его в чанъаньскую лавку Сюньчуньцзи? Моя-то лавчонка не идет с ними в сравнение, у них куда больше богатых покупателей.

Немного успокоившись после первой волны восторга, женщина задумалась о других, куда более насущных проблемах. Такая потрясающая вещь стоила того, чтобы продавать ее по цене не меньшей, чем в самом Сюньчуньцзи! Иначе ее достоинства просто не будут оценены по заслугам.

Но местные знатные госпожи в ее скромный магазинчик даже не заглянут!

Цяо Юнь презрительно скривила губы:

— Я уже ходила туда. Та служанка даже взглянуть на меня не захотела и вытолкала за дверь.

Женщина не удержалась и расхохоталась, схватившись за бока:

— То-то же! Этот чанъаньский Сюньчуньцзи целыми днями только и делает, что расхваливает

собственные благовония и пудру, а теперь из-за своей слепоты упустил настоящий шелковый товар прямо из-под носа!

Тут она невольно горделиво задрала нос:

— Хм, я же говорю: они набирают в лавку только молоденьких девчонок. С виду они, конечно, хороши, да только ума палата — одна юношеская дурь в голове, никакого опыта!

— В любом деле опыт превыше всего, — льстиво согласилась Цяо Юнь, возвращая разговор к главной теме. — Хозяйка, вы хотите выкупить рецепт или возьмете уже готовую продукцию?

Женщина без раздумий ответила:

— Мы здесь не мыловарня какая-нибудь, всю пудру и благовония и так привозим из управского центра. Я возьму готовую. Сколько коробочек вы можете принести прямо сейчас?

Говоря это, она уже достала сканты.

Цяо Юнь немного подумала: если принести слишком много, это вызовет лишние подозрения, но и слишком мало — тоже не дело.

— Сушеных цветов персика, что у меня припасены, хватит еще коробочек на тридцать. Только я сама не соображу, какую цену назначить. Хозяйка, вы человек честный, так что назначайте цену по своему усмотрению.

В игре этот персиковый бальзам был кремом для лица самого низшего качества, и даже в ее собственной лавке косметики верхний предел цены составлял не больше пятисот вэней за коробочку. К тому же рецепт у нее был свой, а все ингредиенты росли в ее собственном поместье, так что здесь это было чистой воды делом без вложений — сколько бы она ни выручила, все шло в чистую прибыль.

— Давай так: будешь приносить все, что сделаешь, я заберу сколько угодно. Изначально я думала разделить прибыль по схеме четыре на шесть — тебе не придется ломать голову над сбытом, мне четыре части, тебе шесть. Но мы с тобой люди чужие, и ты наверняка мне не доверяешь. Поэтому я буду рассчитывать с тобой сразу по двести вэней за коробочку. А по какой цене я стану перепродавать его дальше — тебя волновать не должно. Товар деньгами сполна оплачен, и руки чисты, чтобы потом чужие языки не болтали, будто я обижаю ребенка.

Двести вэней за коробочку?

По первому размышлению сумма казалась небольшой, но в душе Цяо Юнь была весьма довольна таким исходом.

Сделать тридцать коробочек — и на руках сразу окажется шесть связок монет, что равняется шести лянм серебра. А когда весной начнется цветение персиков, она сможет выставить на продажу куда больше товара.

Не нужно делать ровным счетом ничего — только доставать готовые вещи из игры!

Перечитав столько историй о землевладельцах и попадатках, Цяо Юнь еще ни разу не встречала героинь, у которых всё шло бы так легко: лежи себе на печи, а деньги сами рекой текут!

К тому же Цяо Юнь изначально и не собиралась делать главным источником дохода продажу косметики.

Как говорится в народе, для человека еда — это небеса. До тех пор пока не удастся наладить связи с настоящей аристократией, самым прибыльным делом неизменно останется одно короткое слово — еда!

— По рукам! — Цяо Юнь кивнула, а затем добавила: — Только у меня сейчас нет на руках столько пустых фарфоровых коробочек, надо что-то придумать. Наверное, смогу принести товар только послезавтра.

— На востоке уезда есть лавка мелочей семьи Дэн. Это лавка семейства моего младшего зверя. Если нужны коробочки — ступай смело к нему, назови мое имя, и тебе сделают скидку за опт.

Женщина защелкала костяшками скантов, явно прикидывая, как выгоднее подать товар, чтобы выручить побольше.

— Большое спасибо вам, хозяйка.

Цяо Юнь прониклась большой симпатией к этой деловой и пробивной женщине.

Та умела и писать, и считать, а ее манера держаться и говорить точь-в-точь напоминала владелиц всевозможных мелких лавочек с улицы из ее прошлой жизни. А если вспомнить родную бабушку из этого мира, готовую сгрызть заживо собственную внучку, Цяо Юнь и вовсе показалось, что от этой женщины так и веет поистине родным теплом.

Успокоившись на этот счет, Цяо Юнь с улыбкой спросила:

— Хозяйка, у меня к вам еще одна просьба. Я бы хотела снять в уезде домик с лавкой на первом этаже. Вы не подскажете, где найти маклера по недвижимости?

Услышав это, женщина замерла с рукой на скантах и недоверчиво уставилась на девочку:

— Ты? Одна? Да сколько тебе лет?

Цяо Юнь смутилась — она чуть было не выпалила, что ей уже исполнилось двадцать.

— Мне всего одиннадцать.

Однако эта секундная заминка показалась женщине проявлением детской застенчивости при знакомстве с чужими людьми.

Оттого удивление владелицы лавки стало еще сильнее:

— Ладно бы ты просто пришла продать бальзам — я еще могла бы подумать, что ты тайком копишь себе на приданое. Но чтобы ты сама пошла снимать лавку — это уж вовсе ни в какие ворота! У этих маклеров на уме одна хитрость, глаза так и бегают. Как твои родные отпустили такую малышку искать маклера? Где твои отец и мать?

Дрянь дело... Забыла придумать правдоподобную ложь!

Придется пока отделаться общими фразами.

Цяо Юнь опустила ресницы, прикусила губу и умолкла.

Такая крошечная, стоящая посреди улицы, она казалась еще тоньше и слабее под тяжестью зимней одежды.

Даже храня молчание, она одним своим видом вызывала невольную тоску и жалость.

Глядя на такую Цяо Юнь, женщина вдруг смягчилась сердцем.

В каждой семье свои невзгоды, с чего это она вдруг распустила язык и надавила на больное место бедной сиротки? Только посмотрите на это жалкое личико, до чего же жалостливое, просто сердце кровью обливается. Какая же она грешница!

Женщина про себя прочла краткую молитву Будде и поспешно сменила тему:

— На юго-западе уезда есть маклерская контора, там как раз ведут дела с куплей-продажей жилья и лавок. Но тамошние маклеры — те еще прохвосты, с тебя глаз не сводят. Ты такая кроха, пойдешь туда — непременно обманут. У меня есть пустующая лавка с небольшим двориком, как раз неподалеку от юго-восточной пристани, вокруг одни жилые дома. Если тебе интересно, я могу прямо сейчас отвести тебя посмотреть.

Цяо Юнь встрепенулась и тут же радостно согласилась.

Вот это называется: только захотелось спать, как кто-то подложил под голову подушку!

На свете разве бывали удачливее нее героини?

Женщина тут же кликнула из задних комнат служанку присмотреть за лавкой, забрала ключи и, взяв Цяо Юнь за руку, зашагала к выходу.

Цяо Юнь подумала про себя: раз эта семья может позволить себе держать служанку, значит, живут они весьма зажиточно!

Удерживая ладошку девочки в своей руке, женщина просто и непринужденно затянула разговор:

— Зови меня просто матушка Ван. А как твое имя, в каком порядке ты среди детей родилась?

— Моя фамилия Цяо, дома я старшая. В семье стряслась беда, кормильца не стало, а матушка совсем плоха, вот я и подумала податьсь в уезд, хоть каким ремеслом на жизнь заработать.

Ох... Отец у нее, значит, умер. В сердце женщины вновь шевельнулась волна сочувствия.

— Ты же девочка из порядочной семьи, разве не могла заняться шитьем и вышиванием? С чего вдруг решила открывать лавку?

Об этом способе заработка она тоже думала — в конце концов, она умела вышивать по-сычуаньски! В прошлой жизни она ходила на курсы к очень известной мастерице, и работы Цяо Юнь получались настолько хорошими, что почтенная пожилая наставница потом долго уговаривала ее целиком посвятить себя изучению традиций сычуаньской вышивки.

С таким уровнем мастерства она бы точно не пропала в древности, а если бы устроилась в вышивальную мастерскую, могла бы даже прожить жизнь по сценарию вдохновляющей карьерной драмы.

Но Цяо Юнь вовсе не улыбалось целыми днями портить зрение над иголкой и ниткой. В эту эпоху очков не сыщешь, испортишь глаза — и потом ни за какие слезы зрение не вернешь.

— Не обессудьте, матушка, но рукодельница из меня так себе, на одном шитье много не заработаешь. — Цяо Юнь заправила за ухо прядь растрепавшихся волос, изобразив застенчивую скромницу.

— И какую же лавку ты собралась открывать?

Об этом Цяо Юнь уже давно всё решила.

— Я неплохо готовлю, так что хочу открыть лавку утренней еды.

Способность готовой еды повышать характеристики персонажей — вещь привычная для любой игры.

В игре под названием Странники рек и озер ассортимент завтраков был поистине необъятным, а игровая карта представляла собой точную копию земель Восточной Азии — можно было даже отыскать на ней свой родной край поблизости от той или иной школы боевых искусств или главного города. Помимо стандартных для каждого уголка паровых булочек, лепешек, пампушек, жареных полосок теста, сладких и соленых каш да соевого молока, в крупных городах можно было отвезти душу за местными деликатесами.

В столичных чайных Гуанчжоу подавали традиционный утренний чай со свежайшими пельменями с креветками, свиными ребрышками на пару и булочками чао-шао; на Западном рынке в Чанъани продавали сладкие рисовые пироги кзэнго, суп из баранины на косточке, рисовую лапшу в масле с перцем, овощные пирожки и мясную похлебку с крахмалом хулатан; в Лояне на каждом шагу можно было найти супы из баранины, ослиного мяса и острую похлебку хулатан; в Ханчжоу предлагали мини-хинкали с начинкой из крабового мяса и соленое соевое молоко; а в обители Манихеев, затерянной в глубинах песчаных дюн Западного края, продавали лепешки из тандыра, жареные пирожки с мясом и чай со сливочной пенкой...

Такая еда была в сотни раз вкуснее всего, что могли предложить в эту эпоху!

От одних только мыслей у нее текли слюнки.

Сянь Юнь говорила, что эта династия живет в достатке, великих бедствий и потрясений не случалось уже давно, так что в таких уездах, как Цюйво, цены на белую муку и отборный рис оставались вполне доступными — обычная крестьянская семья вполне могла позволить себе засыпать в закрома целый ши.

Правда, простые люди редко ели мясо и овощи, жиров в пище не хватало, поэтому желудки набивали по большей части мучным. Крестьяне, работая в поле, тратили много сил и ели за троих: в разгар страды взрослый мужчина за один присест легко уплетал семь-восемь пышек, так что никакой дешевый отборный зерновой запас не выдержит, если целое семейство будет съедать за обедом по десятку с лишним цзиней муки.

Именно поэтому Сянь Юнь с самого детства питалась только грубым зерном.

Услышав, что эта девчонка собралась торговать утренней едой, матушка Ван искренне изумилась, а затем расплылась в широкой улыбке:

— Ну тогда, как откроешь лавку, я непременно приду отведать твоих кушаний!

— Хе-хе, обещаю, матушка, вы не разочаруетесь!

Пока они разговаривали, они уже дошли до места.

— Вот, мы пришли!

Матушка Ван подошла к дверям, достала из за пазухи связку ключей, сбросила тяжелый замок и распахнула створки.

Лавка оказалась на редкость удачной: просторное светлое помещение квадратов в двадцать, позади небольшой внутренний дворик, восточное крыло переоборудовано под кухню, западное — под кладовую, в главном доме с одной стороны небольшая боковая комната, а с другой — черный ход на заднюю улицу.

По соседству действительно стояли сплошь жилые дома, а до пристани нужно было пройти всего квартал. Но поскольку лавочка находилась как раз у самого перекрестка, прохожих здесь всегда было предостаточно.

Матушка Ван распахнула окно и пояснила:

— Все эти дворы вокруг либо принадлежат отдельным семьям, либо сдаются внаем по комнатам. Большинство тех, кто трудится на пристани, живут как раз здесь. Днем все на работе, но ранним утром, еще до рассвета, здесь всегда полно народу!

Цяо Юнь сунула руки в рукава и так сильно впиалась ногтями в собственное запястье, что едва

не расплакалась от боли — только так она могла убедиться, что не спит.

Разве бывает на свете такое невероятное везение?

Стоило ей захотеть снять лавку — и тут же нашлась матушка Ван со свободным помещением. Стоило ей задумать открыть утреннюю харчевню — и помещение оказалось в самом что ни на есть золотом месте!

Сколько же времени и сил это ей сэкономило!

<http://bllate.org/book/20283/2024674>